

Раскалённый запах кипариса,
 Девушки нездешние в цвету,
 Я под сенью, я в тени, как птица,
 Неприметно певчая в саду.

Сад, мой сад (педант В. В. Набоков
 В комментариях к «Онегину» писал,
 Что «куда, куда», увы, как плохо,
 Что в английских, например, стихах,
 У того же Флетчера и Поупа
 «...Ах, куда», как два отдельных

вздоха,
 А «куда, куда» — увы и ах).

Бедный Ленский...

Что же случилось?

Что в каких-то тридцать землях
 Одному лишь мне оно явилось
 Запылённым золотом в камнях.

Мелкая труха со ржавой крыши
 Неба, отражённого в пруду,
 Несколько колышимых камышин,
 Воробьи и ласточки. Ввиду

Ничего такого не имея —
 Что там сад, когда и дачи нет —

Сергей Геннадьевич Власов родился в 1972 году, живёт в Москве. Закончил МИФИ, Центр актёрского мастерства (курс А. Гребёнкина), бизнес-школу МИРБИС. Публиковался в «Номо Legends», «Знамя», «Новая Юность», «Гвидеон», «Воздух». Книги выходили в издательстве «Геликон плюс» (СПб).

Я сижу на ветке и не клею
Дев щебечущих,
сам щебеча вослед.

* * *

Дом забыт, дом забит,
Опоясан, как смертник, балконом.
Всё порывисто, солнце сквозь тучи.
Ветер роется в кучах
Листвы. Изнутри всё горит.
Воскресенье. Кто жив ещё, дома.
Спит, стирает, готовит обед,
Математику учит, в искомый
Икс вмещающая всё то, чего нет.
Извлекая с опаской на свет
Новый день, как кубический корень,
Постигая границы, где волен
Увязать упражненья ответ
С чем-то большим,
что в окнах разбитых
И бегущих сквозь них облаках.
Всё нормально. Но в воздухе страх
Прорастает кустом ядовитым.

* * *

Море ушло,
Блестит вдали праздничной
фольгой,
И чайки, как капитаны,
И подъёмные краны, как птицы,
Всё блестит, всё шевелится,
Всё шумит — ветер в ушах
Солёный, солнечный, так
Честнее, держаться не за что,
Ни памяти, ни души.
И вдруг — чуть вбок — камыши,
И какой-то уют, и такое
Всё зелёное и голубое:

Невыносимый лепится
Из детства праздничный день,

Но трепещет флажок,
И стучит флагшток,
И как моря глоток — весна,
И клубится во рту глубина.

Нахлебавшись, идут ко дну,
Только море само уходит.
Я лежу, как баркас,
И гляжу, как на нас
Кто-то свой телефон наводит.

* * *

Смотрю на дом иммигранта
И не знаю что мне делать
с его печалью
Как будто не кусок холста вижу
не потёки краски
А все его страхи всю мудрость
и безысходность его положенья
Счета его неоплаченные
за электричество
Луну в дождевой воде
на дне проржавевшей бочки
Дерево без листвы щербатые
кирпичи ограды
Холод и голод ненастье его
одинокчество
Пригоршню риса на ужин
жажду его и смерть
Меру его и веру надежду его
в награду
За дом иммигранта
Бессмысленную мою оболочку
Жалкую мою хибару
на окраине мира
Тусклую лампочку

закипающую воду на плитке
Скоро сварится рис

* * *

Всё реже я бываю, между тем,
Пространством очарован. Я бываю
В местах различных часто,
но — увы —
Всё реже в них я что-то открываю.

Кронштадт, к примеру.
Посоветовал Андрей:
Езжай в Кронштадт,
там что-то есть такое...
Там атмосферно, там особый свет,
но лучше днём.
Был вечер. Я поехал.
Приехал. Попросил остановить
У заводи с мостком, ветлой и чайкой.
Налево — парк, направо — рыбаки:
Ведро, пол-литра, трусики и майки,
Всё чин по чину. Вспомнился совок.
Поколебавшись, я пошёл налево.
Кронштадт? Кронштадт.
В меня метнула чайка

Приветственным помётом —
не зевай —
Зияли окна пустотой, тоской —
Глаза попутчиков: я шёл
Тропой с аборигенами по парку.

Вы знаете, бывает так: зайдёшь,
куда-то с тайного крыльца
(ну, типа, чёрный ход и всё такое)
И незнакомый город оживёт,
Откроет что-то, что потом окрасит
Знакомство мимолётное в тона
Причастности к чему-то,
я не знаю,

В Альгамбре, скажем, или, там,
на даче,

На даче у родителей, она
Стоит в заброшенном
заброшенном посёлке
У леса, на отшибе, никого
Давно уже там нет, но почему-то
В самой заброшенности этой
что-то есть!

Живая тайна, завиток пространства,
Куда, желая жутко заглянуть,
Как в бездну опустевшего колодца;
Присутствие... Не знаю,
как сказать...
Незримое присутствие... Не надо,
Пожалуй, что не надо говорить.

Ну а в Кронштадте что-то
не случилось,
Какой-то он искусственный, пустой,
Как скорлупа.

Но скорлупа Альгамбры
Способна ведь пленять
из года в год...

Такой же ведь покинутый веками,
Пустынный мир, но, значит,
что-то есть,
Какой-то мощный гул висит,
как своды,

Висит, и небеса населены
Хранителями. Опыт откровенья,
Которое не надо облекать
В доступность формы,
называть не надо,
Оно в самом себе само и есть,
А вне его...

Ну а Кронштадт — не знаю.

Ну, скажем так: скорей тоска,
чем память,

Скорей растерянность,
чем созерцанье, нет

Взаимного какого-то движенья,
Попытки что-то дать мне сверх того,
Что видно глазу, что доступно уху,
И вот стою...

Нет, есть, конечно,
есть здесь и... Возможно,

Я с самого начала не туда
Пошёл. Ну, знаете, бывает:

Приедешь в другой раз, пойдёшь
с вокзала

В другую сторону, и вдруг не узнаёшь
Ни места, ни людей, Всё по-другому!

Направо от канала мне б пойти,
Туда, где рыбаки, сутулый мостик,
железная конструкция, ветла...

Но что-то не сложилось,
что-то стихло,

Не зазвучав, не тронув, не пройдя
Какую-то проверку...

И боюсь —
внутри боюсь —

что некая ущербность
не место отличает, а меня!

А с местом всё в порядке,
но с чего-то,

При мне оно молчит о завитках
Пустот своих когда-то не пустынных,

Боясь, что разучился слышать в них,
В ракушках времени,

когда-то внятный голос
Небесных сот, и —

раненый корабль —
Иду в открытый космос, пропадая
С земных радаров, крейсер

«Боабдил»
Прощай, прощай, любимая

Альгамбра,
Встречай, встречай меня,
сырой Кронштадт.